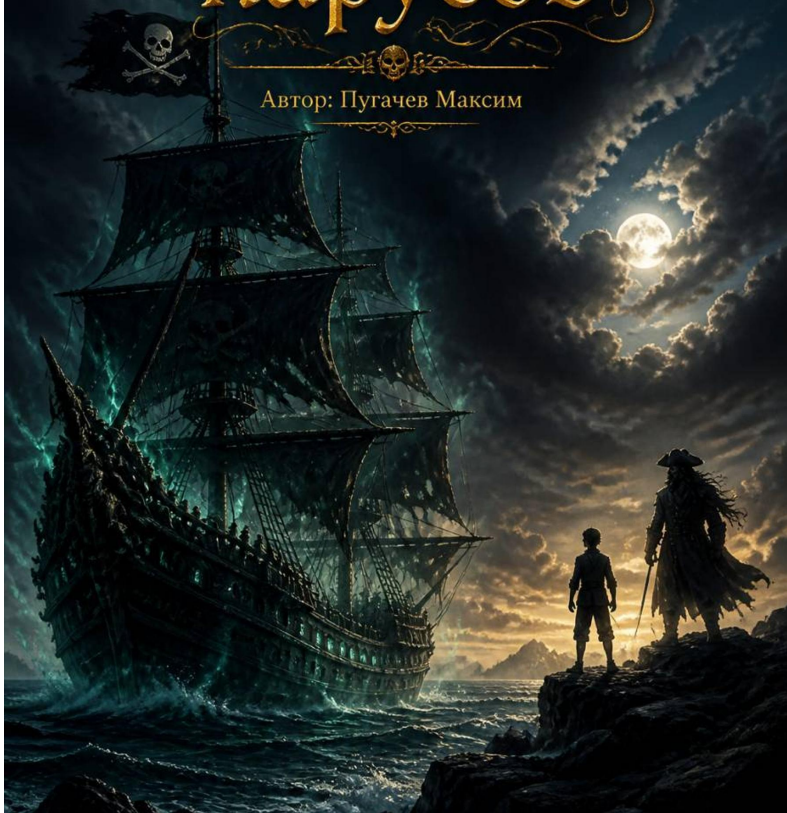

Сын черных парусов

Автор: Пугачев Максим

Максим Пугачев

Сын черных парусов

<https://litres.ru/74209344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Англия, 1718 год. Сирота Джонатан Тич, чьё прошлое окутано мраком, томится в серых стенах портового приюта, где дети ценятся лишь как дешёвая рабочая сила. Его единственная отрада — смотреть на море с утёса, мечтая о побеге от унылого существования. Однажды вечером на горизонте возникает таинственный чёрный корабль с черепом на знамени, который бесследно исчезает в фиолетовой дымке. Это видение переворачивает душу Джона, пробуждая в нём необъяснимое чувство предназначения. Который, как он верит, хранит ключ к его истинному прошлому и свободе.

Содержание

ШЁПОТ СОЛЁНОЙ ВОДЫ	4
СОН	13
КАПИТАН ХАРДИНГ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Максим Пугачев

Сын черных парусов

ШЁПОТ СОЛЁНОЙ ВОДЫ

Год 1718-й пах солью, гниющими водорослями и безысходностью. Для портового люда на восточной окраине Англии этот дух сулил барыши, пряности из дальних коло-

ний и звон монеты. Но для Джонатана Тича — или просто Джонни, как шептались за его спиной прочие сироты, — он был единственным мостом к миру за серыми стенами приюта. Прошлое Джона походило на старый пергамент, изъеденный крысами: прорехи, рваные края, влажные пятна — и ни единой внятной буквы. Лица родителей не всплывали в памяти. Порой, смыкая веки на жёсткой койке, он силился вызвать их образы, но вместо них являлась лишь густая, непроглядная тьма — такая же стылая, как подвальный камень в школе-приюте. Его история начиналась здесь, среди скрипучих половиц, запаха дешёвого мыла и вечно сосущего голода. Сёстры Бэккет — Мод, Агата и Элеонора — казались порождениями самой этой суровой архитектуры. Они скользили по коридорам беззвучно, хотя деревянные башмаки стукивали по полу ритм, похожий на метроном смерти. Их одежды, некогда строгие монашеские рясы, превратились в лохмотья мышинового цвета, пропитанные кухонным жиром и сыростью. В глазах не мерцало милосердие — один сухой бухгалтерский расчёт. Дети для них были не душами, а ресурсом: руки — для плетения канатов, ноги — для ткацких станков, рты — чтобы кормить ровно настолько, чтобы не подошли до следующей смены. — Опять ворон считаешь, Тич? — голос Мод Бэккет прозвучал над ухом внезапно, и Джон вздрогнул. Её дыхание отдавало кислым элем. Он молча кивнул, сжимая деревянную лопатку для переворачивания просыхающих сетей. Древесина натерла ладони

до кровавой черноты, но боль давно притупилась. — Смотри, допрыгаешься, — прошипела она, обдав запахом гнилых зубов. — Капитан Хардинг скоро придёт за новой партией юнг. Ему нужны крепкие спины, а не мечтатели, пляшущие в облака. Не будешь полезен на суше — отправишься чистить трюмы. А крысы на «Морском дьяволе» любят мясо помягче. Она ушла, оставив лишь шорох ветхой ткани. Джон проводил её взглядом. Капитан Хардинг был местной легендой и ужасом: его бриг всегда возвращался с товаром, но команда таяла с каждым рейсом. Поговаривали, он сбывал строптивых мальчишек на Барбадос, где их ждала каторга на сахарных плантациях. Прочие сироты бледнели от одной мысли об этом, но Джонатан чувствовал иное. Даже мрачное нутро корабля не пугало его — скорее манило щекочущим предчувствием. Школа стояла на утёсе, в десяти минутах от гавани. Единственным прибежищем для Джона была деревянная смотровая площадка, нависающая над галечным пляжем. Здесь ветер был настоящим — не отравленным запахами немытых тел и варёной репы. Здесь небо казалось выше, а горизонт — необъятнее. В тот день весна 1718-го выдалась редкостно ясной, и солнце старалось изо всех сил, окрашивая залив в цвет старого серебра. Джон сидел на краю настила, свесив ноги. Галька хрустела под волнами, отбивая ритм, древний как само время. Он вдыхал бриз полной грудью, смывая угольную пыль и страх. Солёная влага оседала на губах, и чудилось — если лизнуть кожу, она бу-

дет сладкой. Взгляд скользил по мачтам шлюпов и галеонов. Большинство — купеческие пузаны, разжиревшие на табаке и индиго. Но попадались и другие: стремительные хищные силуэты королевских фрегатов и каперов, чьи пушки сверкали даже в сумерках. Внизу, под скалой, покачивалась убогая рыбацкая плоскодонка — единственная нить, связывающая его мечту с явью. Лодка была привязана к старому, выбеленному морем столбу толстой верёвкой, сплетённой из сотен разноцветных волокон: обрезков парусины, конопли, кожаных шнурков, даже женских кос. Местами гладкая от прикосновений, местами топорщащаяся занозами. Эта верёвка держала шлюпку, не давая уплыть в свободное плавание. Для всех — гарантия безопасности. Для Джона — символ рабства. «Достаточно одного удара ножом», — думал он порой. Один взмах — и берег потеряет власть. Волны подхватят дерево и понесут, куда ветер велит. Он закрыл глаза, и перед внутренним взором поплыли карты — он никогда не видел настоящих, с розами ветров и левиафанами, но воображение рисовало их с пугающей точностью. Острова сокровищ в туманах, течения, несущие через полмира, созвездия Южного Креста — о них рассказывали матросы в таверне «Пьяная устрица». Светлые, почти белые локоны падали на лоб. Воспитатели посмеивались: мол, море вытянет краски, и к двадцати годам он станет смуглым, как все моряки. Джона тану было всё равно. Он жил этим мгновением — волосы сияли ореолом безумца, а глаза, устремлённые вдаль, горе-

ли лихорадочной надеждой. Солнце медленно спускалось к воде. Закат в этих широтах — всегда представление: нежно-розовое небо, затем густой багрянец, будто пролитое вино. Вода отражала эти краски, превращаясь в расплавленный рубин. Чайки, днём кричавшие истерично, теперь летали плавнее, голоса их звучали глубже — точно вечерняя молитва. И тогда это случилось. Сначала раздался звук — низкий, вибрирующий гул, который не столько слышали, сколько ощущали зубами и костями черепа. Будто под океаном лопнула гигантская струна. Ветер мгновенно стих, море замерло чёрным стеклом. Наступила мёртвая тишина, нарушаемая лишь бешеным стуком собственного сердца. А потом пришла вспышка. Не молния — молнии зигзагообразны и яркие. Это был концентрированный шар фиолетового света, ослепительный и глубокий, как аметист. Он возник на линии горизонта, там, где серебряная вода встречалась с алым небом. Вспышка длилась мгновение, но отпечатала на сетчатке негатив реальности. Джонатан вскинул руку, прикрывая лицо. Ладонь обожгло холодом — свет не излучал тепла. Когда зрение стало возвращаться, мир казался тусклым и выцветшим. Но то, что появилось на горизонте, не было игрой воображения. Там, где секунду назад зияла пустота, теперь возвышался силуэт. Огромный. Неправильный. Он заслонял остатки солнечного диска, поглощая свет. Корабль — но таких Джонатан не видел никогда. Корпус абсолютно чёрный, цвета воронова крыла, мокрого асфальта и безлунной ночи.

Паруса — не белые и не кремовые, а сотканные из самих теней, рваные по краям, и сквозь них, казалось, просвечивали звёзды, хотя небо ещё не потемнело. Корабль скользил по застывшей воде беззвучно, не оставляя следа. Скорость его была пугающей — от горизонта до входа в бухту за считанные мгновения. На верхушке главной мачты развевалось знамя. Тоже чёрное, но на фоне проступало изображение, от которого кровь в жилах Джона заledenела, затем вспыхнула огнём. Человеческий череп. — Пиратский корабль, — выдохнул он. Голос прозвучал хрипло, чуждо, с медленной, тягучей интонацией, будто каждое слово весило тонну. Он сам испугался этого звука в внезапной тишине. В приюте слово «пират» было ругательством, синонимом висельника и проклятой души. Но сейчас, глядя на этот мрачный колосс, оно показалось ему прекраснейшим на свете — пахло порохом, ромом и свободой. Необъяснимое чувство охватило его. Не просто страх или любопытство — узнавание. Словно всё забытое прошлое, вся тайна его рождения вдруг сконцентрировались в этом чёрном корабле. Душа, томившаяся в каменной клетке, рванулась навстречу с такой силой, что Джонатан схватился за край настила, чтобы не упасть. Каждая клетка кричала: «Да. Вот оно. Ты ждал этого». Он шагнул вперёд. Не думая. Нога соскользнула с гладкого, покрытого птичьим помётом дерева. Удар о гальку был тяжёлым, воздух вышибло из лёгких. Мир перевернулся. Холодная апрельская вода сомкнулась над головой, обжигая. На миг паника захлестнула

— ледяные объятия моря коварны. Он забарахтался, одежда намокла и потянула ко дну, острые камни врезались в колени. Он вынырнул, отплёвываясь, рот наполнился йодом и солью. Кашель рвал грудь. Волна ударила в лицо, снова затягивая под воду. Лёгкие горели. Берег, серая стена приюта наверху, казался недостижимой вершиной. Паника — плохой советчик. Джонатан перестал бороться с водой, поняв её плотность. Несколько мощных гребков, игнорируя тяжесть сапог. Выдох в воду, вдох на поверхности. До лодки оставалось несколько метров. Пальцы скребнули по шершавому, заросшему ракушками днищу. Он подтянулся, чувствуя, как трещат мышцы плеч, и перевалился через борт, больно ударившись бедром о сиденье. Лодка опасно качнулась, зачерпнув воды, но устояла. Джонатан рухнул на дно, тяжело дыша. Сердце колотилось о рёбра, тело трясло от холода и адреналина. Он провёл рукой по лицу, стирая воду с песком и слезами бессилия. Подняв голову, он посмотрел на залив. Чёрный корабль уже миновал линию буйков, входя в гавань. Теперь можно было разглядеть детали: резную фигуру на носу — женщину со змеиным телом, открытые пушечные порты, зияющие пастями, и полное отсутствие экипажа, что делало судно похожим на призрака, ведомого самим дьяволом. И тут произошло второе чудо. Корабль начал растворяться. Не тонуть, не разворачиваться — фиолетовая дымка окутала борта, размывая контуры. За минуту величественный призрак превратился в туманное пятно, а затем исчез вовсе, оставив

лишь медленно расходящиеся круги на идеально спокойной воде. Солнце окончательно село. Над бухтой сгустились сумерки. В городе зажглись первые фонари, запели цикады. Джонатан остался один посреди залива в протекающей лодке. Зубы стучали от холода, но внутри разгорался пожар, способный растопить льды Гренландии. Там, где только что был корабль, зияла пустота — но она больше не пугала. Он смотрел на руки, покрытые мурашками и царапинами, на ладони, стёртые в кровь сетями сестёр Бэккет. Затем перевёл взгляд на тёмный силуэт приюта. Окна-бойницы светились тусклым жёлтым — ужин. Скоро пропоёт колокол, сироты выстроятся за жидкой кашей. Завтра Мод Бэккет найдёт его койку пустой и, возможно, улыбнётся своим страшным бескровным ртом — одним нахлебником меньше. Но Джонатан Тич не собирался становиться статистикой в отчёте благотворительной школы. Вытирая мокрый нос рукавом, он взял вёсла. Руки всё ещё дрожали, но хват стал твёрдым. Он посмотрел на узел, удерживающий лодку. Ту самую верёвку из множества волокон. Теперь она казалась удавкой. — Нет уж, — прохрипел он в темноту, обращаясь к невидимому капитану чёрного корабля. — Я найду вас. Клянусь всеми шторами, я перерублю любую верёвку. Где-то в вышине крикнула чайка — но Джону послышался в этом крике смех. Смех свободного человека, парящего над волнами. Он налёг на вёсла, направляя лодку прочь от берега, туда, где горизонт поглотил последний луч света, унося с собой тайну его про-

шлого и обещание невероятного будущего.

СОН

Ночь в приюте была пропитана гнилью и солью — тягучий, сырой воздух сочился сквозь щели ставен в большой комнате на втором этаже. Но Джонни Тича мучил иной холод: ледяной, пронизывающий до самых костей озноб, не имевший ничего общего с зябкостью.

Он ворочался на скрипучей койке, комкал влажную подушку, пытаясь отыскать спасительную позу, которая убаю-

кает сознание. Тщетно. Сон ускользал, как испуганная чайка от пушечного залпа.

Виной тому был не смрад и не насекомые. В его сознании на якоре стоял корабль-призрак — фантом, сотканный из страхов и обрывков детских видений. Сегодня он проступил с пугающей отчётливостью: на фоне штормового неба возник не корабль, а силуэт. Чёрный демон из теней и пороховой гари. Безликий, но с двумя провалами антрацитовый пустоты, которые заглядывали в самую душу Джонни, выворачивая её наизнанку. Призрак протянул руку, но вместо прикосновения растаял в воздухе, оставив лишь звенящую пустоту и липкий ужас.

Это чувство не отпускало его весь вечер — занозой под ногтем, пульсом в висках. Меж ними протянулась незримая нить. Мыслями. Душой. Будто проклятие раскололось надвое: одна половина досталась демону, другая — ему.

Изнеможение взяло верх. Мышцы обмякли, веки налились свинцом. Он провалился во тьму.

Но темнота оказалась обманчивой.

Холод переменился — стал иным, промозглым, пропахшим дёгтем, водорослями и затхлой водой. Тело покрылось ледяной испариной. Сердце грохнуло о рёбра так, что перехватило дыхание. Это был не сон — кошмар. Или... воспоминание?

Сознание раскололось. Рациональная часть твердила, что он лежит в душной постели 1718 года. Другая же, древняя и

глубинная, тянулась из времён, когда океан был безжалостнее, а мир — огромнее. Отголоски чужого разума, осколки чужой памяти пробивались сквозь его мозг, как рифы сквозь днище.

Картинки всплывали вязко, словно со дна.

Каюта в трюме. Низкий потолок давил, доски сочились влагой. Воздух стоял мёртвый, нетронутый десятилетиями. На столе — разрозненные листы пергамента, прижатые корабельным фонарём. Почерк отца — острый, летящий, нервный. И инициалы в углу: Э. Тич.

Эдвард Тич. Черная Борода.

Обрывки воспоминаний сыпались осколками, без хронологии, как выброшенные морем обломки.

Вот руки отца — мозолистые, в шрамах и вьёвшейся смоле — перелистывают судовой журнал. Голос глухой, сквозь толщу воды:

— «Шестнадцатое ноября. Курс норд-ост. Пресная вода на исходе. Команда ропщет, толкуют о кракене, стерегущем пролив. Глупцы. Кракена мы съели сами... пополам с голодом».

Листы мерцают, истончаются, рассыпаются пеплом, развеянным незримым ветром.

Вот резкая смена кадра: рёв ветра, треск парусов, грохот волн, бьющих в борт с кузнечной силой. Дождь хлещет горизонтально, сплошной стеной, вымывая краски. Мир — чёрно-белая гравюра безумия. Палуба уходит из-под ног, люди

скользят, цепляясь за ванты. Группа оборванцев столпилась у фальшборта. Привязанный к грот-мачте стоит мужчина.

Его глаза — чернее карибской ночи, глубже Марианской впадины. В них не страх, а холодное, расчётливое бешенство загнанного хищника, всё ещё вооружённого клыками. Густая, спутанная борода, кажется, живёт своей жизнью, впитывая брызги и пороховой дым. Она внушает первобытный ужас даже сквозь время. Один из пиратов — одноглазый, со впалыми щеками скелета — тычет абордажной саблей меж лопаток пленника.

— Давай, дьявол, — шипит он, подталкивая его к борту. Черная бездна ждёт.

И в этот миг происходит невозможное. Эдвард Тич оборачивается. Его лицо озаряет странная, почти мальчишеская ухмылка. Он смотрит поверх голов пленителей — туда, где в тени марсовой площадки замер мальчик.

— Отец! — кричит душа Джонни, но губы ребёнка остаются сомкнутыми.

Эдвард Тич произносит слово, пронзающее десятилетия: — ДЖОН!

И в тот же миг он перестаёт быть жертвой. Страх не было — лишь игра. Величайший спектакль в истории пиратства. Его взгляд встречается со взглядом сына. Усмешка — едва заметная, хитрая, как у кукловода, обрезающего нити марионеток.

— Я найду тебя, сын, — чеканит он сквозь ливень. —

Жди. Через семь лет.

И делает шаг назад. В пустоту.

Детская рука Джонатана тянется вслед — маленькая, грязная ладонь, в отчаянии и гневe. Но дождь слепит, волны ревут погребальным колоколом, корабль содрогается, и наступают тишина. Глухая, ватная тишина тонущего судна.

— Подъём, сорванцы! Завтрак стынет!

Голос вонзается в темноту острой. Кто-то трясёт его за плечо. Джонни вздрагивает, распахивает глаза. Лёгкие горят, словно он вынырнул с глубины. Простыня — хоть выжми, намоталась на ноги, как саван.

Над ним — веснушчатая девчонка в засаленном чепце.

— Кошмар привиделся? Бледный, как поганка.

— Нет, миссис Бекки, — ответил наш герой. — Просто дурной сон.

— Вставай! К полудню сеть не сплетёшь — пойдёшь нужники чистить. Там вонь похлеще твоих снов будет.

Дверь хлопает. Звякает щеколда.

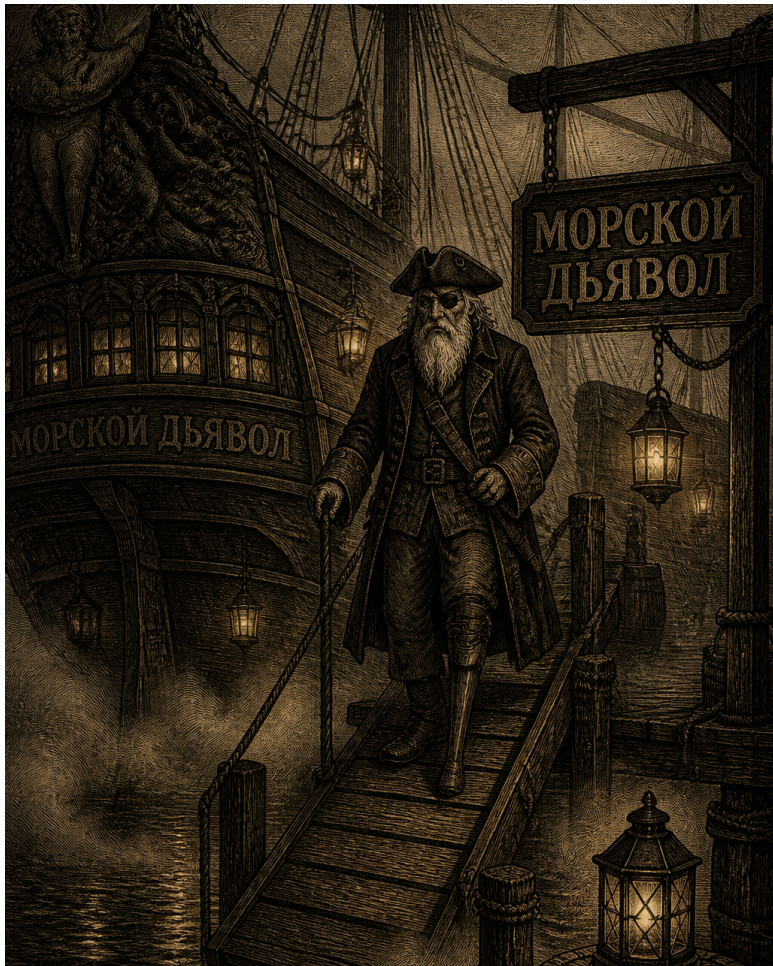
Джонни сидит в полумраке, глядя на свои руки. Обычные руки, стёртые в кровь. Но память пальцев хранит иное — будто это были не его ладони. Чёрный демон. Одноглазый матрос. Падение в бездну. Семь лет.

Кошмар уходит, сменяясь холодной ясностью. Это не безумие. Это приглашение. Наследство призрака, отказавшегося умирать.

Запах жареного бекона и дешёвого кофе смешивается с солёным дыханием моря. Городок просыпается — торгоши, воры, искатели приключений.

Игра в прятки со смертью начинается вновь.

КАПИТАН ХАРДИНГ

Солёный привкус въелся в камни приюта «Милость Де-вы», в воздух, в кожу — он стал единственным, что не исчезало в этом городе. Для четырнадцатилетнего Джонатана Тича этот привкус был синонимом жизни.

После жидкой овсянки с плесневым душком — обычно-го утра здесь — он поплёлся на повинность. Сестры Бэккет «одарили» его самой гнусной работой: вычищать нужник если не будет штопать сети. Худшего наказания для парня, грезившего о полёте, и не придумать.

— Петля, узел... Затягивай, — бормотал он, не замечая боли.

Пальцы трудились сами, мозоли задубели до каменной твёрдости, но колючая пенька то и дело впивалась глубже — в самую плоть. Джон лишь стискивал зубы: эта боль казалась пустяком против вечного голода и затрещин от сестры Агаты.

«Надо убираться отсюда», — мысль жалила, как оса. Он перебирал пути сотню раз. Украсть еду? Карцер с крысами-переростками. Пойти в грузчики? Без одобрения сестер Бэккет, заправляющих приютом, им ничего не стоит наказать его хлыстом по спине.

Но главное желание билось в висках набатом — уплыть. Сбежать с этого проклятого берега, из каменной ловушки, от сестёр с их вечно поджатыми губами цвета старой раны.

С виду Джон был тощ, но в нём сидела сталь. Голод зака-

лил кости, труд вытянул в жилистую плоть. В свои четырнадцать он весил немного, но хват держал мёртвый.

Он как раз сплетал «кошачью лапку», когда над портом разнёсся низкий, вибрирующий звон — не церковный, а злее, резче. Колокол прибывающего судна.

— Корабль на горизонте! — прохрипел дозорный. — Капитан Хардинг!

Сердце Джона пропустило удар, а потом заколотилось так, что заныли рёбра. Вот оно. Ответ пришёл сам. Шанс улизнуть с того самого берега, откуда его никто не ждёт.

О Хардинге знали все. Его бриг «Морской Дьявол» появлялся в гавани раз в несколько месяцев, и слухи тянулись за ним, как кровавый след: контрабандист, работороговец, убийца, которому сам сатана выдал патент. Он набирал отчаянных — тех, кто не боится штормовых рей. Но он, Джон, — просто мальчишка. Первый же порыв ветра сдует его с палубы.

Однако быть смытым за борт казалось ему милостью по сравнению с ещё одним годом рабства в этом гниющем сарае. Настоящее море, солёный ветер и простор — вот что стоило риска.

Джон поднял глаза к небу. Белые, выгоревшие до бумажной бледности волосы трепетали на ветру, как флаги. А на рейде уже разворачивался корабль — чёрный корпус, золотые буквы, тускло горящие в утренней дымке: MORS DIABOLUS. Название, от которого крестились монахи и

прятали товар купцы. Но Джона страх не коснулся. Он остался в стенах приюта. Здесь, на пирсе, были только холодный расчёт и хмельная свобода.

Он готов был идти до конца. Такой случай выпадает раз. Сгнить от голода у сестёр или утонуть свободным — выбор очевиден.

Джон рванул с места, перепрыгивая лужи крови и чешуи, мимо рыбных рядов — к огромному кораблю. Паруса, как крылья хищной птицы, полоскались на ветру. Деревянный трап скрипнул, и на причал ступил сам Хардинг.

На вид — около пятидесяти, но выглядящий на все восемьдесят, проведённых в преисподней. Лицо — старая карта с морщинами, шрамами и трещинами. Правый глаз скрывала чёрная повязка. Вместо левой ноги — дубовый обрубок на потёртых ремнях. На поясе — тяжёлая кривая сабля с рукоятью в виде скалящегося козлиного черепа с рубиновыми глазами.

Хардинг рычал приказы, не глядя по сторонам. Джон выскочил ему наперерез:

— Сэр! Мистер! Возьмите меня!

Единственный глаз скользнул по мальчишке — злой, оценивающий, рентгеновский.

— Отстань! — прохрипел капитан и попытался обойти.

Джон не сдвинулся. Он встал насмерть, выставив плечо. Когда грузное тело капитана толкнуло его, он захрипел, но устоял. Треуголка Хардинга из крокодильей кожи с белыми

окультиными узорами нависла над ним, как чёрная туча.

Капитан двинулся прямо на него, намереваясь снести с дороги, как таран — городские ворота. И тогда Джон закричал — басом, неожиданно прорезавшимся, вложив в голос всю мольбу и боль прошедших лет:

— Капитан!

Хардинг замер. Медленно, неестественно повернул только голову на жилистой шее. И махнул рукой — подзывая к себе. Джон подбежал, чувствуя дрожь в коленях.

— Слушаю, — голос капитана звучал как скрежет гни-
та.

— Я... хочу работать на вас. Вы набираете крепких парней. Я справлюсь.

— Ты сопляк. Мне нужны мужчины, способные держать марс-фал в шторм.

— Я умею плести сети! — выпалил Джон. — Любые! Я вяжу узлы с закрытыми глазами. Мои пальцы быстрые!

Хардинг остановился. Спина его не выдавала эмоций, но голос, пропахший ромом и порохом, стал тише:

— Правда?

— Да, капитан!

— Сокормишь — скормлю акулам прежде, чем судно отойдёт от стенки. Понял?

— Так точно.

Хардинг кивнул седой гривой и бросил боцману:

— Ржавый! Отметь щенка. На камбуз, к Кокону. Прове-

рим его хвалёные руки. Свободен.

И развернулся, зашагал в город — явно к сёстрам Бэккет.

Агата, Мод и Элеонора сидели в гостиной, пересчитывая пожертвования, когда дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Хардинг — он и без деревяшки заполнял собой всё пространство.

— Добрый день, благочестивые, — голос сочился ядом.

— Мы закрыты для морских дел, мы молимся... — начала Агата.

— Мне плевать, кому вы молитесь. Я покупаю у вас Джонатана.

Три пары глаз сузились. Они переглянулись. Мальчишка приносил доход — чинил сети, таскал тяжести.

— Не можем отдать, — проскрипела Мод. — Он кормит нас своей работой.

Значит, не соврал, подумал капитан, и уголок его рта дёрнулся. Он достал из-за пазухи замшевый мешочек и высыпал на стол золото. Звон монет оглушил тишину. Груда жёлтого металла, слепящая привыкшие к полумраку глаза.

— Двойной гонорар, — сказал Хардинг. — За молчание. Алчность перевесила. Взгляд Агаты стал масляным.

— Джонатан Тич! — крикнула она в коридор. — Собирай вещи! Ты уходишь с мистером Хардингтоном.

— Капитаном Хардингтоном, — поправил он, поправляя повязку. — Не люблю сухопутных крыс, коверкающих имя.

Через пять минут Джон вышел с холщовым свертком: смена белья, тупой нож и краюха чёрствого хлеба. У порога его ждал здоровенный моряк в татуировках с головы до пят.

— Живее! Капитан не терпит задержек!

Джон оглянулся на приют. Стены давили, крыша текла, люди гнили заживо. Ни капли сожаления. Дверь закрылась, отсекая прошлое.

Свобода ударила в нос смолой, дёгтем и жареным мясом. Чёрный корабль возвышался над пристанью, словно утёс. По трапу поднимались мужчины с жёсткими, шрамовыми лицами.

Старый моряк подтолкнул его в спину. Проходя мимо высокого матроса с крюком вместо руки, Джон заметил на его груди серебряную цепь с медальоном. Не образок и не монетка. Странный знак — череп, сжимающий в челюстях перевёрнутые песочные часы. И внутри стеклянной колбы струился призрачный зелёный свет, словно указывая путь в бездне.

Джон сглотнул. Холодок побежал по спине — но это не был страх. Это было предвкушение.

Он ступил на трап «Морского Дьявола». Позади — земля. Впереди — неизвестность, рёв океана, одноглазый капитан с деревянной ногой и саблей, рукоять которой украшал сам Сатана.

Путешествие началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.